

Равдангийн Болд
г. Стамбул, Турция

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ДЛЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА: «ЯПОНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ БЫЛА АГРЕССИВНОЙ ВОЙНОЙ»

Аннотация. В рамках Международного военного трибунала для Дальнего Востока, проходившего в Токио в 1946–1948 гг., были заслушаны свидетельские показания более 20 советских, монгольских и японских свидетелей, принимавших участие в боях на реке Халхин-Гол. События были представлены мировой общественности в соответствующей мере. Хотя некоторые считают, что Токийский процесс стал мероприятием, в рамках которого победившая в войне сторона сумела навязать свое мнение и решение проигравшей, трибунал был очень важным мероприятием, раскрывшим обоснование для развязывания военных действий на Халхин-Голе и пришедшим к заключениям международного значения. Токийский процесс пришел к заключению, что военные действия на Халхин-Голе были заранее подготовленной японской стороной «агрессивной войной, развязанной против МНР и СССР». Это было обоснованным заключением и с позиции того, что война есть продолжение политики другими средствами, и с позиции международного права. С другой стороны, в свое время Токийский процесс сделал политическое заключение, что военные действия на Халхин-Голе были «агрессивной войной», что, несомненно, делает для Монголии те события войной. Статья написана с использованием Заключения и материалов Международного военного трибунала для Дальнего Востока по поводу военных действий на реке Халхин-Гол¹.

¹ Documents on the Tokyo International Military Tribunal. Oxford, 2003.

Ключевые слова. Халхин-Гол, Токийский процесс, Международный военный трибунал.

Информация о статье. Дата поступления 4 февраля 2019 г.; дата принятия к печати 11 марта 2019 г.; дата онлайн-размещения 5 апреля 2019 г.

Ravdangiin Bold
Istanbul, Turkey

THE INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL FOR THE FAR EAST: “THE JAPANESE OPERATION IN THE KHALKHYN GOL AREA WAS AN AGGRESSIVE WAR”

Abstract. More than 20 Soviet, Mongolian and Japanese witnesses who had taken part in the battles in the area of the Khalkhyn Gol (English “Khalkha River”) were heard in the International Military Tribunal for the Far East, held in Tokyo in 1946-1948. The events were presented to the world community to the extent appropriate. Although some believe that the Tokyo Trial was an event where the victors in the war were able to impose their views and the decision on the war’s losers, the Tribunal was a very important event that revealed the causes of military action in the Khalkhyn Gol area and came to conclusions of international significance. The Tokyo Trial found that the military action near the Khalkhyn Gol was “an aggressive war unleashed against the MPR and the USSR” and prepared by Japan in advance. It was a reasoned conclusion from the point of view that “War is a continuation of politics by other means” as well as from the point of view of international law. On the other hand, at the time, the Tokyo Trial made a political judgement that the military action in the Khalkhyn Gol area was “an aggressive war”, that undoubtedly makes those events a real war for Mongolia. The article was written based on the decision of the International Military Tribunal for the Far East on the military activities in the Khalkhyn Gol area.

Keywords. Khalkhyn Gol, Tokyo Trial, International Military Tribunal.

Article info. Received February 4, 2019; accepted March 11, 2019; available online April 5, 2019.

I

После подписания Потсдамского соглашения союзники, победившие в войне, провели между собой дипломатические переговоры, по результатам которых был сформирован военный трибунал в составе представителей 9 стран (СССР, США, Великобритания, Франция, Китай, Канада, Австралия, Голландия и Новая Зеландия), который должен был провести судебный процесс над японскими военными преступниками. Затем к соглашению присоединились Индия и Филиппины, был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский процесс) в составе представителей 11 государств.

Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге над германскими военными преступниками был утвержден на основе договоренностей, достигнутых правительствами четырех государств, победивших в войне, но в разработке устава Токийского процесса основную роль исполняла американская сторона.

В рамках встречи глав МИД четырех государств, проходившей в Москве в декабре 1945 г., стороны договорились поручить все вопросы по капитуляции, оккупации и контролю Японии Главнокомандующему союзными оккупационными войсками, дислоцированными в Японии. Тем самым договорились, что исполняющим обязанности Главнокомандующего союзными оккупационными войсками в Японии будет Главнокомандующий американскими войсками в Японии (генерал Д. Макартур). В рамках полномочий по полному контролю над Японией генерал Макартур отвечал за организацию и процедурные вопросы Токийского процесса. Устав трибунала в целом повторял основные принципы устава Нюрнбергского процесса, но проект был разработан американскими юристами, и 26 апреля 1946 г. генерал Макартур утвердил Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Согласно уставу, Главнокомандующий союзными оккупационными войсками назначает минимум 6, максимум 11 человек из числа представителей стран, подписавших Акт капитуляции Японии, а также Индии и Филиппин, а одного члена утверждает председателем суда. Также Главнокомандующий союзными оккупационными войсками назначает главного обвинителя, и каждый член ООН, ведший военные действия против Японии, имел право дополнительно назначить помощника главного обвинителя. В 1946 г. Монголия не смогла стать членом ООН, как и в последующие годы, поэтому, хотя страна и подверглась японской агрессии, она не имела права принимать участие в Токийском процессе в качестве обвинителя.

Вся процедура Токийского процесса проходила на английском языке и на языке обвиняемой стороны, как было указано в Уставе, хотя некоторые участники были категорически не согласны с этим [2, с. 36].

Первое заседание Токийского процесса началось в японской столице 3 мая 1946 г., а сам процесс завершился 4–12 ноября 1948 г., когда был зачитан обвинительный приговор на 1214 страницах. За этот период судом было принято 4336 документов, письменные и устные показания давали 419 свидетелей, судебный материал достигал 48.412 страниц.

II

В качестве военных преступников Токийский трибунал вызвал 28 человек, в т.ч. Премьер-министр, военный министр, министр иностранных дел и министр финансов, начальник Генерального штаба, командующий Квантунской армией и другие высокопоставленные политические и военные чиновники Японии. Против были выдвинуты обвинения в 55 видах преступлений, как преступления против мира (36 обвинений в пунктах 1–36), обвинения в массовых убийствах (16 обвинений в пунктах 37–52), преступления против

обычаев войны и преступления против человечности (16 обвинений в пунктах 53–55).

Из них пункты 26, 36 первой категории преступлений и пункт 51 третьей категории были выдвинуты против 14 политических и военных деятелей Японии — их обвиняли в зачине военных действий на Халхин-Голе. К примеру, в пункте 26 говорилось: «Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Итагаки, Кидо, Койсо, Мацуи, Мацуока, Муто, Судзуки, Того, Тодзио и Умедзу летом 1939 г. развязали войну посредством нападения на Монголию в районе реки Халхин-Гол в нарушение международного права, договоров, соглашений и заверений против различных стран»; в пункте 36: «те же подсудимые, что и по пункту 26, обвиняются в ведении агрессивной войны против Монголии и Советского Союза летом 1939 г. в нарушение международного права, договоров, соглашений и заверений против различных стран»; в пункте 51: «подсудимые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Итагаки, Кидо, Коисо, Мацуи, Мацуока, Муто, Судзуки, Того, Тодзио и Умедзу обвиняются в незаконном убийстве военнослужащих Монголии и Советского Союза посредством незаконного приказа, распоряжения и разрешения вооруженным силам Японии напасть на территорию Монголии и Советского Союза, которые не находились в состоянии войны с Японией, в районе реки Халхин-Гол летом 1939 г.»

Кроме плана обвинения данный документ сопровождали 5 приложений, названных «А», «В», «С», «Д» и «Е», которые детализировали обоснования вменяемых преступлений. К примеру, приложение «А» состояло из 10 глав, восьмая из которых называлась «Агрессия против СССР», и в ней говорится о целях японской стороны, развязавшей войну на Халхин-Голе: «В 1939 г. Япония, также не объявляя войны, напала на территорию союзной СССР Монгольской Народной Республики у реки Халхин-Гол, завязав бои с

армией МНР и союзной ей Красной Армией. В обоих этих случаях Япония преследовала цели разведки боем сил Красной Армии и захвата стратегических позиций для будущей войны против СССР» [2, с. 113].

Участвовавшие в Токийском процессе адвокаты выдвинули 17 предложений, на основании которых опровергали план обвинений, и среди прочего говорилось, что с 1 января 1928 г. и до 2 сентября 1945 г. Япония не находилась в состоянии войны с Китаем, Францией, Таиландом, Португалией и Монголией, поэтому невозможно считать военными преступлениями те действия, которые якобы предпринимались против этих стран. Также они предлагали исключить из списка все пункты, касающиеся Монголии, суверенитет которой сомнителен [2, с. 121]. Британский обвинитель Коминс-Карр заявил, что Монголия является суверенным государством, независимость которой признана несколькими государствами, в том числе и СССР, а на момент нападения Японии Монголия уже поддерживала союзнические отношения с Советским Союзом, поэтому предложение исключить статьи о Монголии из части обвинения против Японии необоснованы [2, с. 125].

III

Советский обвинитель С.А. Голунский начал представлять пункты обвинения японских военных преступников в суде с 8 октября 1946 г. [1]. Определяя задачи проведения боев на Халхин-Голе, он заявил: «Правительство и военное командование Японии было прекрасно осведомлено о существовании советско-монгольского протокола о взаимной помощи, понимало, что агрессия против Монголии приведет к столкновению с Советским Союзом, но умышленно пошло на этот шаг. Задачей операции, осуществленной Квантунской армией на Халхин-Голе, было отделение Дальнего Востока от Советского Союза и за-

хват Транссибирской железнодорожной магистрали, чтобы подготовить платформу для проникновения на советскую территорию» [2, с. 161]. По его мнению, японцы напали на территорию союзной Монголии без предупреждения, и советский обвинитель впервые применил термин «необъявленная война».

Советская сторона представила Токийскому процессу ряд документов, доказывающих японскую агрессию в районе реки Халхин-Гол. Например, советский обвинитель, генерал В.С. Тадевосян передал Токийскому процессу два документа, свидетельствовавших о том, что Японии давно готовилась к агрессии против МНР. Одним из них был отрывок из статьи «Задачи Японии в эпоху Шёво», опубликованной бывшим министром армии С. Араки в номере 516 журнала «Miscellaneous People Literature Minao Bunko» от 1933 г. В нем упоминалось о Монголии: *«Япония не желает соседства с двусмысленными странами типа Монголии в своей сфере влияния. Любым методом нужно добиться того, чтобы Монголия стала Восточной Монголией. Нужно дать... ей независимость и мир. Нельзя оставлять ее другим странам. Двойственное положение Монголии служит источником тревожного состояния всего Востока. Проблема Монголии может серьезно помешать имперской политике, а затем и решению маньчжурского вопроса. Поэтому необходимо определиться с этим вопросом на данный момент, а решение уничтожить любого противника, настроенного против империи, должно быть совершенным»*².

Затем С. Тадевосян представил документ, доказывающий, что начальник штаба Квантунской армии, генерал Итакаги за три года до начала событий у Номонхана высказывал предложение японской военщины захватить МНР. Это был протокол переговоров генерала Итакаги и посла Японии в Китае Ариты, в которой поднималась тема Внешней Монголии. «Внеш-

² Proceedings of International Military Tribunal for Far East (IMTFE), pp. 7.828-7.829.

няя Монголия – закрытая территория. Царская Россия давно протянула свою чертову руку и сделала ее своим протекторатом. После революции большевистская Россия ведет аналогичную политику и тоже установила свое влияние. Если посмотреть на карту Восточной Азии, то значимость Внешней Монголии для Японии и Маньчжоу-го заключается в крыле, защищающем Транссибирскую магистраль – железную дорогу, соединяющую советский Дальний Восток с европейской частью страны. Если Внешняя Монголия присоединится к Японии и Маньчжоу-го, советский Дальний Восток окажется под огромной опасностью, а советское влияние на Дальнем Востоке можно будет изничтожить без всякой борьбы. Поэтому армии нужно использовать все имеющиеся у нее на руках инструменты для распространения японо-маньчжурского влияния во Внешней Монголии, и первым шагом должно стать признание суверенитета Внешней Монголии без оглядки на политику Советской России, установить между Маньчжоу-го и Внешней Монголией нормальные, полностью дипломатические отношения. После этого они должны объединить свои усилия и объяснить западной Внутренней Монголии необходимость национального присоединения Внешней Монголии»³.

Советская сторона в качестве доказательства также передала суду справочник «О провокациях японцев в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол», разработанный военно-историческим отделом Генерального штаба Красной Армии 12 марта 1946 г. Суть данного справочника в целом сходится с содержанием книги «Халхин-Гол», опубликованной С. Шишкиным в 1946 и 1954 гг., поэтому есть основания считать, что именно он является автором данного документа. В нем особенно подчеркивается, «что японцы начали системно нарушать границу Монголии с января 1939 г. в районе реки Халхин-Гол, что за это время произошло более

³ ИМТФЕ, pp. 7.830–7.831.

30 нарушений границы, что в то же время сосредоточилась значительная группировка регулярных войск, состоящая из личного состава японской 23-ей пехотной дивизии и баргутских конных полков, что с монгольской стороны эту пограничную полосу защищали силами единственной заставы, расположенной на западном берегу реки Халхин-Гол, где несли службу всего несколько человек».

Также советская сторона предъявила в качестве доказательства письменное показание атамана Семёнова, в котором говорилось, что после озера Хасана японцы начали готовиться к новой диверсионной деятельности, направленной против МНР и СССР. «Если бы прорыв был успешным, то части, состоящие из белых русских, скрывавшихся во Внутренней Монголии, должны были проникнуть на советскую территорию через МНР. Японцы упоминали, что основным направлением удара является Забайкалье», — сказал он.

Бывшего императора Маньчжоу-го Пу И также принудили дать показания в суде, и он рассказал, что японская сторона сначала напала на Монголию в районе реки Халхин-Гол, но Советский Союз, как ее союзник, помог ей, и им удалось разгромить Японию. Это стало доказательством того, что у советской стороны не было каких-либо захватнических планов в отношении Маньчжурии, и того, что все события происходили с подачи японской стороны, которая организовала их.

После этого советские обвинители представили несколько географических карт, доказывавших, что монголо-маньчжурская граница пролегла восточнее русла реки Халхин-Гол, и пояснили их (Приложение № 2). Также были представлены в качестве доказательств документы, географическая карта и боевой приказ, найденные в машине начальника разведывательного отряда японской 23-ей пехотной дивизии, подполковника Азумы, убитого в майских боях 1939 г.

Советский обвинитель генерал Васильев предъявил факты, опровергающие заявления адвокатов обвиняемой стороны о том, что, во-первых, древние китайские карты доказывают, что пограничная линия восточной окраины Монголии пролегла по руслу реки Халхин-Гол, а во-вторых, японо-маньчжурская сторона никогда не нарушала монгольскую границу. Он попросил разрешения передать в качестве доказательства справочные материалы, составленные МВД МНР о том, как и сколько раз японо-маньчжурская сторона нарушала границу данной страны за период 1935–1945 гг., но адвокат запротестовал: «Нет никакой необходимости принимать документы, написанные для себя самого неким министерством некоей МНР. Здесь обсуждаются события 1939 г., а не пограничные стычки за десятилетний период. К тому же тот факт, что этот документ составлен 3 декабря 1946 г., ясно показывает, что он был составлен специально для данного процесса. Следует предъявлять доказательства, составленные до начала данного процесса»⁴. Несмотря на это, Васильев попросил принять в качестве доказательства ноту МИД МНР с пояснениями и приложенной древней китайской картой, напечатанной в 1858 г. Сама нота и приложенные к ней вышеупомянутая карта, ее пояснения и письмо некоего чиновника в звании «бээс», который уточнял линию границы по указу императора маньчжурской империи Цин в районе реки Халхин-Гол, были составлены на монгольском языке, поэтому для их перевода пригласили с японской стороны ученого-картографа К. Китаду и профессора лингвистики Ш. Хатори. Они подтвердили и объяснили, что при переводе данных документов на современный язык пограничная линия пролегает по восточному берегу Халхин-Гола, как и пыталась доказать советско-монгольская сторона, но адвокат

⁴ IMTFE, pp.38.401–38.402.

японской стороны Блейкней вновь выразил протест, заявив: «Данная нота монгольской стороны составлена 8 декабря 1946 г. Другими словами, через два с половиной месяца после того, как обвинитель с советской стороны представил свой план обвинения. А значит, данный документ составлен специально для данного судебного разбирательства. Монгольская нота не может служить доказательством, но можно вызвать в качестве свидетеля г-на Санжмятава, подписавшего данный документ... Хотя Санжмятав расписался в ноте, как представитель МНР, судя по свидетельствам о переводе документа, бумага переведена на английский с русского языка. Поэтому нужно рассмотреть, на каком языке был составлен оригинал документа. Если он был составлен на монгольском, затем — переведен на русский, а с русского — на английский, мы знаем, что при таком переводе появляется риск утери истинного смысла документа... Если тщательно изучить приложенные материалы, они были составлены в 1858 г., но не на монгольском или маньчжурском языках. Более того, на четвертой странице стоит пометка: «1838 г.»⁵.

В качестве свидетелей Токийский процесс пригласил бывшего начальника 7-ой пограничной заставы МНР, майора П. Чогдона с монгольской стороны, а с советской — бывшего командира стрелково-пулемётного батальона 11-ой танковой бригады Красной армии, майора Быкова, которым были заданы уточняющие вопросы о начале боевых действий на реке Халхин-Гол.

Майор П. Чогдон рассказал суду следующее: «Ночью 11 мая я направил отряд в составе 20 бойцов под командованием замполита заставы на 6-й км в юго-восточном направлении от Номонханбурд-обо. В районе 8:00 часов утра того же дня около 300 японо-баргутов на 4 автомашинах пересекли государственную грани-

⁵ IMTFE, pp. 38.353–38.356.

цу и напали на наш караул. Когда под натиском превосходящих сил противника караул отступил, противник проник вглубь территории нашей страны до 20 км. В это время подоспела резервная пограничная часть (имеется в виду отборный эскадрон МНРА) и задержала противника в районе 18-го км южнее Номонханбурд-обо, в районе Нурэн-обо, а вечером 12 мая удалось выгнать его за линию границы⁶. В районе 5:00 часов утра 14 мая мне сообщили, что около 600 солдат противника на 10 автомашинах нарушили границу в районе Номонханбурд-обо и по западному берегу реки Хайластын-Гол проникли вглубь нашей территории. Получив данное сообщение, я оставил часть солдат под руководством политрука и, взяв с собой группу в 40 человек, выехал в направлении Дунгэр-обо. С передовой группой противника мы встретились в районе Дунгэр-обо и задержали их продвижение методом передвижной обороны. После этого подоспела резервная пограничная часть, и общими силами над удалось остановить движение противника и принудить его к обороне. Утром 15 мая, в районе 10:00 часов 5 самолетов противника сбросили 65 бомб над нашей заставой, после чего самолеты пикировали и давали пулемётную очередь. Были убиты старшина медицины Бадам, рядовые Даш-Осор и Тувшинбаяр, ранены еще 25 бойцов. 15 мая в районе 17:00 часов было получено сообщение, что два японо-баргутских конных полка в сопровождении 1 танка и 7 броневиков пересекли государственную границу в района Хулат-Улан-обо. Вслед за ними на территорию Мон-

⁶ По архивным материалам на самом деле в то утро около 40 баргутов (не японцы) с трем машинами пересекли границу и напали на секретный пост в составе 20 бойцов 7-ой заставы. Они отступая послали связника в тыл прося помощь и отборный 6-ой эскадрон прибыл в составе до 80-ти всадников и выгнал баргутов за границу. Если в то утро баргутская сила в действительности была численностью 300 человек, подошедшие подкрепления не могли их выгнать.

голии пророскочили 90 машин с японской пехотой. Эта сила присоединилась к вышеупомянутой части, пересекшей нашу границу, и заняла линию обороны между Дунгэр-обо и Нурэн-обо»⁷.

После этого адвокаты, прокуроры и судьи задали Чогдону около 20 вопросов, на которые он подробно отвечал. Например:

Вопрос: Как и какими методами вы защищали границу на восточном берегу реки Халхин-Гол в 1938–1939 гг., до начала упоминаемых событий?

Ответ: От восточного берега Халхин-Гола в направлении Эрс-уулын-обо, Хулд-уулын-обо и Номонханбурд-обо установлены пограничные столбы на расстоянии 15, 20, 22 км друг от друга. С целью обхода пограничной линии мы ежедневно высылали карательные посты в составе до 10 человек.

Вопрос: Дающий свидетельские показания М. Яано проезжал по берегу реки Халхин-Гол в октябре 1938 г. и видел монгольский пограничный караул на другом берегу, и при этом никто не воспрепятствовал продвижению Яано. Считаете ли вы, что монгольский пограничный караул видел этих людей, продвигающихся по восточному берегу Халхин-Гола?

Ответ: Как я уже упоминал ранее, расстояние от восточного берега реки до государственной границы — 22 км. Наши пограничники защищали эту пограничную полосу, поэтому эти люди не могли проникнуть настолько глубоко вглубь территории нашей страны⁸.

Вопрос: Поясните, почему в ваших письменных показаниях вы писали: «На помощь прибыли части Монгольской армии, после чего японо-баргутские части были откинута за границу»?

Ответ: Если вы имеете в виду 14 и 15 мая, то в эти дни отсутствовали дополнительные силы регулярной

⁷ IMTFE, pp. 38.533–38.536.

⁸ Там же, pp. 38.544–38.545.

армии. Они прибыли лишь во второй половине мая, а точнее, 20 мая.

Вопрос: Вы можете сказать, в каком составе была дополнительная сила?

Ответ: Не могу точно припомнить состав и численность частей регулярной армии, прибывшей в конце мая, но могу предположить, что были 2 эскадрона⁹.

Вопрос: Сколько пограничников принимали участие в стычках от 14 и 15 мая?

Ответ: В тех стычках принимали участие более 200 солдат нашей заставы¹⁰, а также более 100 солдат в составе резервной части прислало Пограничное управление. Итого на нашей заставе было около 300 человек.¹¹

Отрывки из показаний майора Быкова: «В ночь 14–15 мая 1939 г. Штаб монгольской 6-ой кавалерийской дивизии получил сведения от 7-ой пограничной заставы, что 11 мая японо-маньчжурская конная группа в составе более 200 человек нарушила государственную границу в районе Номонхана и проникла вглубь территории на 15–18 км... во время стычки были убиты несколько пограничников... 12 мая пограничная резервная часть выгнала противника на территорию Маньчжурии, но 14 мая 2 японо-маньчжурских эскадрона вновь нарушили государственную границу, откинули монгольских пограничников и приблизились к восточному берегу Халхин-Гола. Поэтому мы с командиром 6-ой дивизии решили выехать на 7-ую заставу и изучить ситуацию на месте. На расстоянии 35–40 км от 7-ой заставы мы встретились с двумя солдатами, которые во весь опор скакали на юг. Они спешили передать сообщение начальника заставы о нападении 5 японских одномоторных самолетов, которые разбомбили заставу. Японские самолеты за-

⁹ IMTFE, p. 38.569.

¹⁰ Самом деле личный состав заставы были около 50 человек.

¹¹ IMTFE, p. 38.568.

ходили в пике 4 раза, при этом двое сбрасывали бомбы, а двое — открывали пулемётный огонь. Прибыв на заставу, я собственными глазами увидел нанесенный ущерб. Были убиты 3, ранены 25 солдат. В тот же день мы на машине вернулись в Тамцык, и я лично доложил о произошедшем в штаб корпуса, дислоцировавшийся в Улан-Баторе... 18 мая 6-ая кавалерийская дивизия выдвинулась в сторону Хамар-Дабана, по приказу командования корпуса ее сопровождало разведывательное звено нашего отряда... Наш отряд прибыл в Хамар-Дабан 24 мая... 26 мая, согласно полученному приказу, я выделил для дислокации на правом берегу Халхин-Голадве стрелковые роты, артиллерийскую батарею (орудия калибра 45 мм) и несколько броневиков. 27 мая командный пункт также был перемещен на западный берег данной реки и размещен на расстоянии 9–10 км от государственной границы... 26–27 мая советско-монгольские солдаты не вступали в какие-либо контакты с японо-баргутской стороной, поэтому мы пришли к выводу, что пограничная стычка завершилась, но в ночь на 27–28 мая японцы начали ночное наступление... в бою наш отряд потерял 65–70 человек...».

Некоторые вопросы и ответы Быкова во время судебного процесса:

Вопрос: Какие потери понесла советско-монгольская сторона в районе Номонхана?

Ответ: Потери советско-монгольской стороны достигали 9–9,5 тысяч человек...

Вопрос: Какова была численность монгольских кавалерийских полков?

Ответ: Численность монгольской 6-ой кавалерийской дивизии достигала 260 сабель...

Вопрос: Сколько человек было в вашей части?

Ответ: В нашем отряде было 1200 человек.¹²

¹² IMTFE, pp. 38.360–38.373.

С японской стороны свидетельские показания о событиях на реке Халхин-Гол давали бывший командующий 6А Р. Огицу, бывший офицер разведывательного отдела М. Яано, бывший помощник бывшего министра иностранных дел Того – Сайто.

Бывший начальник оперативного отдела японского Генштаба Хаттори рассказывал во время Токийского процесса: «В 1939 г. Квантунская армия разработала оперативный план в отношении Советского Союза, но при этом не придерживалась намерений наступать в направлении Хайлара, Аршана и Внешней Монголии. В случае войны между Японией и СССР главным театром военных действий была бы территория вдоль восточной границы Маньчжурии в направлении Владивостока, поэтому в западном направлении Квантунская армия держала в резерве незначительную силу. Было понятно, что в случае начала войны Советская армия значительными силами прорвется в направлении Хайлара. Против этой силы Япония могла бы выставить лишь 23-ю пехотную дивизию и пограничный гарнизон. Рассчитывали, что военные действия будут краткосрочными и пройдут в условиях советского окружения... Аршан является стратегически важной точкой, но из-за нехватки личного состава невозможно было разместить там боевые объединения... 3-я и 5-я армии Квантунской армии сосредотачивались в направлении советского Владивостока, 4-ая армия отвечала за северное направление, а 23-я пехотная дивизия единолично отвечала за северо-западное и южное направления, поэтому расквартировалась в Хайларе. 7-я пехотная дивизия Квантунской армии находилась в стратегическом резерве»¹³.

Отрывки из показаний генерала Огицу: «Назначенный командующим 6А, я прибыл в Хайлар 2 ав-

¹³ IMTFE, pp. 23.014-16.

густа и столкнулся с происшествиями, которые ныне называют «событиями в Номонхане». В состав 6А входили 23-я пехотная дивизия, некоторые части 7-ой пехотной дивизии и пограничный гарнизон. Я прибыл в Номонхан 12 августа, на следующий день ознакомился с театром военных действий. Я поручил командованию 23-ей пехотной дивизии начать подготовительные работы к зиме, после чего вернулся в Хайлар. Все это время я был довольно занят, знакомясь и проверяя охрану государственной границы на других участках, но 20 августа я получил донесение, что совместные советско-монгольские военные силы, сделав своей основной ударной силой танковые войска, начали наступление в семи участках в направлении территории Маньчжурии. На следующий день я направил на фронт своего начальника штаба. Сам я прибыл на фронт 23 августа, чтобы ознакомиться с положением наступления противника»¹⁴.

Некоторые вопросы советского обвинителя и ответы генерала Огицу:

Вопрос: Принимала ли участие на японской стороне какая-либо специальная или самостоятельная армейская группа в Номонхане?

Ответ: Не знаю, потому что подобных групп под моим командованием не было.

Вопрос: Была ли специальная первая танковая группа причислена к японским частям во время операции в Номонхане?

Ответ: На период 20–30 августа в составе 6А не было ни одного танка.

Вопрос: Была ли специальная первая танковая группа причислена к частям под вашим командованием?

Ответ: Нет, ни одна танковая часть не принимала участие в боях.

¹⁴ IMTFE, pp. 23029–23031.

Вопрос: Возможно, танки не были использованы в бою. Но разве они не были в составе армии, бывшей под вашим командованием?

Ответ: Нет, они не были под моим командованием.

Вопрос: Когда вы 24 августа прибыли на фронт, линия обороны японской армии, выстроенная на южной стороне реки Хайластын-Гол, уже была разрушена, так ведь?

Ответ: Нет, оборона не была разрушена, но с 27 августа нашу линию обороны начали ликвидировать на отдельных участках.

Вопрос: Разве военная операция советско-монгольской стороны за период 20–24 августа и до 30 августа не была направлена на окружение японских частей, дислоцировавшихся на левом берегу реки Халхин-Гол?

Ответ: Да.

Вопрос: Разве советские войска, начавшие окружение, не встретились с двух сторон в районе Номонханбурд-обо?

Ответ: Театр боевых действий был огромным, его большую часть занимали заросшие высокой травой холмы, поэтому на некоторых участках наши солдаты были окружены, а на некоторых — оборона была прорвана, но армия не была окружена целиком в одной точке.

Вопрос: Позвольте задать вам другой вопрос. Могли ли советско-монгольские войска продвинуться дальше Номонханбурд-обо — точки, где две советские танковые группы вышли навстречу друг другу?

Ответ: Переходя в наступление, советские войска не наступали единой силой против одной точки. Они атаквали отдельно, по участкам. Командный пункт 6А находился юго-западнее Номонханбурд-обо, и я сам находился там до самого конца¹⁵.

¹⁵ IMTFE, pp. 23058–23059.

Вопрос: Расскажите, как вы оценивали силы и средства советских войск, выступавших против вас на тот период, когда вы командовали 6А?

Ответ: По состоянию на 19 августа, по нашим подсчетам, были три пехотные дивизии, несколько артиллерийских бригад, 500 танков и 200 самолетов¹⁶.

Бывший офицер японской разведки, полковник М. Яано говорил на суде: «...в октябре 1938 г. я получил приказ проверить пограничную линию Внешней Монголии и Маньчжурии, прибыл из Халун-Аршана на пограничный пост в Номонхане через Хандгайт, проведя в пути одну ночь. На следующий день я проехал пограничный пост в Номонхане, прибыл в устье, где река Хайластын-Гол втекает в реку Халхин-Гол, проехался по левому берегу реки. Я ехал с двумя монголами, но в это время на правом берегу Халхин-Гола появилось двое монгольских вооруженных пограничных дозорных. Было заметно, что они следят за нами, потому что, придерживаясь расстояния примерно в тысячу метров, ехали бок о бок с нами по другой стороне реки. Они были одеты в форму монгольской армии, за их спинами виднелись длинные ружья, но наша команда без каких-либо препятствий добралась до Амгалана. По результатам нашей поездки мы доложили командованию наши выводы о том, что русло реки Халхин-Гол, по нашему мнению, является государственной границей»¹⁷.

IV

После завершения процедуры по заслушиванию свидетельских показаний, выступлений адвокатов и презентации всех документов, доказывающих виновность обвиняемых, советский обвинитель сделал следующие выводы: «Задачей операции, проведенной Квантунской армией на Халхин-Голе, являлась подго-

¹⁶ ИМТФЕ, р. 23082.

¹⁷ Там же, р. 22.997–22.998.

товка плацдарма для внедрения на советскую территорию с целью отделения Дальнего Востока от России и отсоединения Транссибирской железнодорожной магистрали. Для выполнения данной задачи было необходимо создать правовое прикрытие для проведения военной операции, чтобы захватить территорию между восточным берегом реки Халхин-Гол и государственной границей. С этой целью было выдвинуто требование, чтобы линия границы проходила не восточнее, а по руслу реки. Для обоснования данного требования японская сторона попыталась доказать свою позицию не на обосновании определенной карты или демаркационных знаков, а административного разделения государства Цин, заявив, что придерживалась традиций и старинных рукописей, но японская сторона не смогла доказать обоснованность своих пояснений старинными рукописями и историческими картами. С января по май 1939 г. японцы начали систематически нарушать государственную границу МНР в районе реки Халхин-Гол, сосредоточив в этом районе крупную группировку регулярной армии, что свидетельствует о предварительной и детальной подготовке Халхин-Гольской экспансии со стороны Квантунской армии. Эту приграничную полосу с монгольской стороны охраняла единственная пограничная застава с малочисленным личным составом, расположенная на правом берегу реки Халхин-Гол. Регулярная армия не присутствовала. Обвинения в том, что пограничную линию первой нарушила монгольская сторона и совершила нападение на японо-маньчжурские войска, не обоснованы, потому как каждому понятно, что единственная застава с малочисленным составом не сможет напасть на пограничный гарнизон в Хайларе, состоящий как минимум из двух дивизий.

Адвокаты японских военных преступников, которых обвиняли в антисоветской агрессии, опротестовали выступление советского прокурора, заявив, что

часть выдвинутого им плана приговора относительно Русско-Японской войны 1904 г. и японской агрессии 1918–1922 гг. против советского Дальнего Востока не относится к теме трибунала. Под предлогом, что на тот момент Китай не признавал независимость МНР, они предложили исключить из обвинения вопросы, касающиеся МНР [2, с. 165].

Адвокаты обвиняемых выдвинули следующие контраргументы: «Агрессия Японии против СССР не была документально подтверждена. Пограничный инцидент в районе Номонхан не был войной, поэтому не входит в вопрос полномочий данного трибунала. Документы, представленные трибуналу в качестве доказательств, что Япония готовилась к войне против СССР, не представляют никаких сведений о том, что данные меры предпринимались согласно планам Правительства, армии или любых других государственных ведомств, или об их подобных намерениях. Более того, представленные документы свидетельствуют о том, что японская сторона работала, постоянно побаиваясь грозной силы СССР, и ее военная подготовка несет не наступательный, а наоборот, оборонительный характер» [2, с. 330].

С. Шишкин писал: «По указу императора Японии 4 августа 1939 г. был сформирован полевой штаб 6А, под его командование были переданы части, которые должны были проникнуть на территорию МНР. Данной армии было поручено уничтожить советско-монгольские войска. По всей линии фронта японцы сооружали линию обороны и одновременно готовились к «генеральному наступлению», назначенному на 24 августа» [3, с. 43]. Также в книге С. Шишкина говорится, что в состав японской группировки, которая должна была перейти в наступление, входили 120 танков [3, с. 37].

4 августа 1939 г. был сформирован штаб 6А, который должен был входить в состав Квантунской армии

и расквартироваться в Хайларе. Его командующим был назначен генерал-лейтенант Р. Огицу. Следует учитывать, что 6А была сформирована не с целью ведения боев при Номонхане. В 1937 г. оперативный отдел Генерального штаба сухопутных войск Японии планировал учредить штаб 6А осенью 1939 г. и поручить ему северо-западное направление Маньчжурии. До этого была сформирована 4А, которая отвечала за северное направление, а также 3А и 5А, отвечавшие за советское Приморье [4, с. 567]. К примеру, в рамках плана Квантунской армии на 1939 г. 19 мая 1939 г. был учрежден штаб 5А, а ее командующим назначен генерал Доихара.

После начала советско-монгольского генерального наступления 22 августа командование японской 23-ей пехотной дивизии приняло решение дать контрудар. Было решено, что 23-я и 7-ая пехотные дивизии выделят по одному полку, и оба полка на рассвете 24 августа перейдут в контрнаступление. До сих пор советские исследователи пишут про эти обстоятельства так, будто японская 6А планировала генеральное наступление на 24 августа, но советско-монгольская сторона опередила ее, начав собственное генеральное наступление 20 августа. С другой стороны, по состоянию на август в составе и на вооружении японской 6А не были танковых частей и танков.

Американский историк А. Кукс писал: «Наши надежды прояснить причины событий при Номонхане после того, как был учрежден международный военный трибунал для Дальнего Востока после капитуляции Японии во Второй мировой войне, пошли прахом. Советские прокуроры уделяли основное внимание обвинению Японии в заговоре и агрессии, завершив часть, посвященную Халхин-Голу, возней с географическими картами. Адвокаты обвиняемых напирают на том, что «события при Номонхане» были всего лишь пограничным недоразумением. «Это не было ни

агрессией, ни войной, и вопрос был решен в свое время в рамках двусторонних переговоров», — говорили они, и им удалось выкрутиться. К сожалению, судебные материалы и наказание японских преступников категории «А» очень мало способствует углублению наших знаний истории о событиях при Номонхане» [4, с. 9–10].

V

Международный военный трибунал постановил, что военные действия на Халхин-Голе были широко-масштабной военной операцией, длившейся продолжительное время, что нет никаких оснований считать их «пограничной стычкой», и тем самым пришел к выводу, что это была «необъявленная война», инициированная японской стороной. Адвокаты многих обвиняемых с японской стороны высказывали позицию, что битва на Халхин-Голе не более, чем пограничная стычка, причиной которой стала неясная линия границы.

Хотя при помощи документов и показаний свидетелей удалось доказать, что пограничная линия пролегла восточнее реки Халхин-Гол, стороны пришли к согласию, что задачей трибунала является не демаркация государственной границы, а оценка прошедших военных действий. Токийский процесс доказал, что бои на Халхин-Голе начали японо-маньчжурские войска, что подготовку к военным действиям обеспечила Квантунская армия, и хотя сложно поверить, что такая широкомасштабная операция была осуществлена без предварительного уведомления Генерального штаба и Военного министерства, нет достаточных документальных доказательств, которые помогли бы установить, давал ли Генеральный штаб или Правительство Японии приказ о начале военных действий.

Обвинитель и адвокат считали, что соглашение, подписанное Шигэмицу и Молотовым 10 августа

1938 г., соглашение, подписанное Того и Молотовым 9 июня 1940 г., а также пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г. полностью разрешили все вопросы, связанные с боями на Халхин-Голе, поэтому невозможно вновь поднимать вопрос о том, были ли эти события агрессивной войной? Токийский процесс постановил, что данные документы не могут быть признаны в качестве оправдательных при рассмотрении уголовного дела в рамках Международного трибунала, поэтому не пожелал признавать их. Адвокат обвиняемого посла Того выразил протест по поводу обвинения в том, что велась агрессивная война против МНР, так как данное действие недоказуемо, ибо суверенитет так называемой МНР не был признан до 1945 г., и она была частью Китая, но трибунал постановил, что данный процесс не устанавливает и не определяет статус Монголии, и статус данной страны не касается данного судебного разбирательства. К тому же, Того лично поставил свою подпись в советско-японском межправительственном соглашении от 9 июня 1940 г. от имени японской стороны, тем самым признавая суверенитет Монголии, поэтому Токийский процесс не признал аргументы адвоката (Постановление Токийского трибунала по поводу войны на Халхин-Голе можно посмотреть в приложении № 1).

На основании судебных материалов можно увидеть следующее: после начала советско-монгольского генерального наступления было выдвинуто предложение организовать 24 августа частичную контратаку по левому флангу фронта ограниченными силами японской 23-ей пехотной дивизии. Нет никаких оснований считать, что японская 6А планировала генеральное наступление на 24 августа, но советско-монгольская сторона опередила ее и начала собственное наступление 20 августа. Чтобы «доказать» в рамках Токийского процесса, что японо-маньчжурская сто-

рона начала Халхин-Гольскую войну с агрессивными целями, советско-монгольская сторона придерживалась позиции, что с января до середины мая 1939 г. в вооруженных стычках на границе не принимали участия регулярные войска, и что удары отражали лишь силами пограничных частей. Поэтому в течение многих лет роль МНРА, принимавшей участие в защите государственной границы с начала 1939 г., много лет была заретуширована.

Советская сторона свидетельствовала об агрессивных планах Японии и ее намерениях захватить МНР двумя политическими заявлениями, в рамках которых военно-политические чины Японии высказывали свои позиции, но не смогла предъявить определенных военно-стратегических или оперативных планов, документов и свидетельских показаний, доказывающих и рассказывающих о задачах военных действий. Поэтому Токийский процесс не смог доказать, что Правительство Японии вело войну на Халхин-Голе с целью захватить МНР, следовательно, не совсем верно считать, что японские власти начали военную операцию на Халхин-Голе с целью захвата Монголии. Задачи Квантунской армии в рамках Халхин-Гольской кампании были ограниченными, как и территория, на которой велись военные действия, поэтому с политической точки зрения Халхин-Гольского конфликта можно считать «ограниченной войной локального значения». Для советской стороны задачей военных действий было освобождение конкретной восточной части Халхин-Гола, не пересекая государственной границы МНР, поэтому ее военные цели также были ограниченными, но ее политические цели по сравнению с японскими были более глобальными и значимыми. Оттого и сегодня некоторые российские историки выдвигают предположение, что события на Халхин-Голе были началом и являются неотъемлемой частью Второй мировой войны.

Приложение № 1

Список географических карт, переданных советской стороной Токийскому процессу в качестве свидетельских документов, доказывающих, что государственная граница МНР пролегла восточнее русла реки Халхин-Гол

На восьмой странице главы «Азия» географической карты, опубликованной в СССР в 1933 г., монголо-маньчжурская граница была ошибочно нарисована вдоль русла реки Халхин-Гол, а не восточнее, что было установлено впоследствии, и из-за этого пришлось перепечатать карту. При этом были использованы связанные с Монгольской Народной Республикой части географических атласов разных стран мира, а также документы Центрального архива Военно-топографического управления Красной Армии. Все эти документы были представлены Токийскому процессу для того, чтобы доказать, что государственная граница между МНР и Маньчжурией пролегла не по руслу реки Халхин-Гол, а восточнее:

1. Географическая карта Хулунбуйра. 1:2,000,000 (приложение № 6);
2. Учебная географическая карта МНР, опубликованная в городе Лейпциге. 1:2,000,000 (приложение № 7);
3. Географическая карта МНР, опубликованная в городе Шанхае (приложение № 8);
4. Географическая карта Китая (Современный географический атлас. Ёнстон, страницы 62–63, город Лондон, 1927 г.) (приложение № 9);
5. Географическая карта Восточной Сибири. (Атлас, нарисованный вручную Штайлером, компания «Джустус Пэртэс», 1905 г., город Гота, Германия, страница 58) (приложение № 10);

6. Географическая карта Китая (Общая карта, нарисованная вручную, Джордж Филип, город Лондон, 1930 г., страницы 123–124) (приложение № 11);

7. Географическая карта Китая и Японии (Атлас мира, «Ранд Мак Налли Компани», город Нью-Йорк, 1932–1933 г., страницы 152–153) (приложение № 12);

8. Географическая карта Китая и Японии (Атлас Таймса, Джон Бартоломев, город Лондон, 1935 г., страницы 64–65) (приложение № 13);

9. Географическая карта Китая и Японии (Атлас мира. Бартоломев, город Лондон, 1935 г., страницы 112–113) (приложение № 14);

10. Географическая карта «Страны Азии и об их связях и отношениях» (компания «Колумбус Вэлтатлас», Пол Оэстергард, город Берлин, 1937 г., страницы 47–48) (приложение № 15);

11. Географическая карта Восточной Азии (Капшленс, Осло, 1937 г., страница 33 (II) (приложение № 16).

Вышеперечисленные материалы позволили доказать, что на стр. 8 линия монголо-маньчжурской границы была нарисована неверно, и с тех пор государственную границу между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией при любом масштабировании начали рисовать в положенном месте — восточнее русла реки Халхин-Гол. Примеры этого можно увидеть на следующих картах:

1. Опубликованная в 1935 г. Военно-топографическим управлением Красной Армии географическая карта, масштаб: 1=42,8 км, стр. 7 (приложение № 3);

2. Опубликованная в 1936 г. Военно-топографическим управлением Красной Армии географическая карта, масштаб: 1:500,000, стр. L-50-B (приложение № 4);

3. Опубликованная в 1936 г. Военно-топографическим управлением Красной Армии географическая карта, масштаб: 1:200,000, стр. L-50-III (приложение № 5).

Также советская сторона представила Токийскому процессу географические карты, использованные японской стороной при рисовании монголо-маньчжурской границы:

1. Географическая карта Маньчжурии, Чахара и Внешней Монголии, опубликованная военным руководством Маньчжоу-го в 1933 г., масштаб: 1:500,000 (приложение № 1);

2. Географическая карта Маньчжурии, Северного Китая и Кореи, опубликованная Топографическим управлением в 1931г., масштаб: 1:2,500,000 (приложение № 2).

Список использованной литературы

1. Голунский С.А. Суд над главными японскими военными преступниками / С.А. Голунский. — М. : Правда, 1947. — 23 с.

2. Николаев А.Н. Токио: суд народов / А.Н.Николаев. — М. : Юрид. лит., 1990. — 413 с.

3. Шишкин С. Халхин-Гол / С. Шишкин. — М.: Воениздат, 1954. — 64 с.

4. Coox A. *Nomonhan Japan Against Russia* / A. Coox. — Stanford University Press, 1985. — 940 p.

References

1. Golunskii S.A. *Sud nad glavnymi yaponskimi voennymi prestupnikami* [The Trial of the Major War Criminals]. Moscow, Pravda Publ., 1947. 23 p.

2. Nikolaev A.N. *Tokio: sud narodov* [Tokyo: Justice of the Peoples]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1990. 413 p.

3. Shishkin S. *Khalkhin-Gol* [Khalkhyn Gol]. Moscow, Voenizdat Publ., 1954. 64 p.

4. Coox A. *Nomonhan Japan Against Russia*. Stanford University Press, 1985. 940 p.

Информация об авторе

Равдангийн Болд — доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномоченный посол Монголии в Турции, г. Стамбул, Турция, e-mail: wash_mon_rb@yahoo.com.

Author

Ravdangiin Bold – DSc in History, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Mongolia to Turkey, Istanbul, Turkey, e-mail: wash_mon_rb@yahoo.com.

Для цитирования

Равдангийн Болд. Международный военный трибунал для Дальнего Востока: «Японская операция на Халхин-Голе была агрессивной войной» / Равдангийн Болд // Историко-экономические исследования. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 25–53. – DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).25-53.

For Citation

Ravdangiin Bold. The International Military Tribunal for the Far East: “The Japanese Operation in the Khalkhyn Gol Area Was an Aggressive War”. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2019, vol. 20, no. 1, pp. 25–53. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).25-53. (In Russian).